

После долгой оттепели – плюющиеся снежной кашей грязные пасти выщербленных дорог, сырые ноги, хлюпающие носы – ударили рождественские морозы. Блекло небо уже не придавливало так стылую землю мокрой облачной ватой, выглянуло солнце, засиял свежевypавший снег. В такой день хотелось уехать куда-нибудь из города от ядовитого воздуха, дорожных пробок, людской суеты – куда же отправиться? На юг области! Мне нравятся здешние села в верховьях Упы, где она еще чиста и прозрачна, где лет двадцать существует необъявленный заповедник погибшего русского села. Двадцать лет после Чернобыльской катастрофы (затем дозиметр успокоился) здесь фонала принесенная ветром украинская радиация, сюда не вкладывались московские и тульские деньги, в результате места эти пришли в упадок, сохранив остатки русской самобытности, тогда как деревеньки вокруг Москвы, под Тулой и возле Оки давно превратились в спальные районы города, в аморфные дачные поселки. Сельская идентичность, деревенская подлинность там уже давно смыта городскими деньгами, которые свалились на многих россиян в тучные годы дорогих газа и нефти. В городах деньги сделали из многих людей «хомо экономикус»: особей, мозги которых поражены коровьим бешенством жадности денег. «Хомо экономикус» – расчетливый, умный, но на свой манер ограниченный потребитель иномарок, зарубежных курортов, дорогих компьютеров и смартфонов. Его легко контролировать с помощью телевизора, социальных сетей и мобильных телефонов, он и не противится этому, лишь бы не отняли машину, компьютер и возможность путешествовать. В русском городе сейчас чересчур много буржуазного, причем на провинциальный манер. Сетевые магазины, половодье машин, обывательская иерархия денег и чиновничьей власти, спецслужбы, полиция... Город растит обывателя, его спальные районы – чудовищное бетонное гетто, где людей превращают в социальных насекомых, которые поутру летят из бетонного улья многоэтажки на свой взятки, а ночью возвращаются выжатыми, как лимон. Каждая мелочь в окружении ребенка сказывается на его характере, обывателя же формирует городская окраина, заплыванный серый подъезд, облезлые стены серых домов, полное отсутствие архитектуры, продуваемая всеми ветрами неуютная улица, безрадостная череда озабоченных, неулыбчивых, серых лиц. В таких условиях человек вырастает рабской, серой, штампованной личностью, полагающей смыслом жизни мышиную возню обывательского благополучия. Рабочий класс, когда-то завоевавший Россию, выродился в обывателей. Телевидение, курорты, машины уравнивали новую буржуазию и новый пролетариат – все ездят на одинаковых машинах (чуть дороже или чуть дешевле), отдыхают на похожих курортах, смотрят одни

и те же программы по телевизору. Задремав перед экраном, рабочий проспал свою страну – СССР. Вместо тоталитарного социализма теперь тоталитарный капитализм. Двухкомнатная квартира в хрущёбе с «евро-ремонт» – смысл и апофеоз рабочей жизни. Да ещё раз в год поездка в Турцию или Египет. Люди по десять лет копят на машину или ремонт – натяжной потолок милее звездного неба, ламинат важнее росной травы, фиалка на подоконнике вместо цветущего луга. Оценивают друг друга по уровню ремонта и марке машины, ремонт и машина отнимают все силы, застят внутренний горизонт...

В погибшей деревне все по-другому, потому что денег здесь нет – остается жить натуральным хозяйством, пчелами, рыбалкой, охотой или ездить на работу в город, строить и охранять имущество, бизнес более удачливых соотечественников.

Конечно, во мне тоже городские черты буржуазности, конформизма и потребительства, но понимание остается – наша городская цивилизация больна! Сплошь филиал «Дом два», «Пусть говорят» и «Голые и смешные». Мы выстраиваем свою жизнь как погоню за фальшивыми ценностями, неспроста вокруг нас так много фальшивого – поддельный коньяк, духи, лекарства, картины, одежда, общение. Теперь занимаются сексом по телефону, встречаются с друзьями в социальной сети вместо совместного похода в лес или горы, вместо костра под звездным небом с гитарой... Мы сами теперь как будто не настоящие.

Но сломать, испортить удалось, конечно, не всех. Сильных, цельных людей много еще на земле нашей, особенно часто я встречал их в Севастополе, на Алтае, русском Севере. В поисках выживших ездил по русским деревням в страшные годы перестройки, разрухи и распада, когда казалось, что с Россией все кончено. Масштаб предательства в тогдашней России был поразителен, такого жуткого предательства, как при Ельцине, в истории не было давно. 17 марта 1991 года на референдуме российский народ проголосовал за целостность Советского Союза, Ельцин обещал, что исполнит волю народа, но уже в декабре 1991 Кравчук, Ельцин и Шушкевич, не имея на то никаких полномочий, подмахнули Беловежское соглашение о ликвидации СССР. Жизнь в республиках и России стала рушиться, осыпаться. Многие активные люди от безнадёги стали уезжать из страны, правительство Ельцина их отпускало, при этом чиня препоны для въезда в страну русских из союзных республик. Россию намеренно опустынивали! Мейджер и Тетчер советовали: для обслуживания газовой трубы русским достаточно сорок-пятьдесят миллионов человек, остальные лишние. Выехало на запад несколько миллионов самых образованных и умных, выпускники престижных факультетов МГУ бежали за границу целыми курсами. 1 января 1992 началась «шоковая терапия» Гайдара. Цены в России на многое взлетели в десять раз, а госслужащим, которые составляли тогда 89% всех работающих, перестали платить зарплату, пенсионерам задерживали пенсию. Под руководством Чубайса началась грабительская приватизация и банкротство советских предприятий. Голодающие, доверчивые, экономически неграмотные русские, татары, чуваша, башкиры почти бесплатно отдавали свои ваучеры будущим олигархам, которые затем перепродали большую часть собственности иностранцам. Началась массовая безработица, нищета, детская беспризорность, бандитизм, торговля женским телом и наркотиками. Академик Татьяна Заславская, входившая тогда в администрацию Ельцина, считала: одних только мужчин среднего возраста за три года «шоковой терапии» в России умерло не менее 12 миллионов человек. А были еще погибшие женщины, миллионы преждевременно умерших стариков, не родившиеся дети, сколько людей выжило, но спилось, попало в тюрьмы, превратилось в инвалидов? И это лишь за три года! В 1993 Ельцин расстрелял из танков российский Парламент, физически уничтожил более 2000 его защитников, многих уничтожил духовно, запугав депутатов и деморализовав армию. Ельцин сам создал

проблемы в Чечне, выведя оттуда российские военные части, оставив при этом кучу вооружений Дудаеву, а затем опять ввел туда войска, необстрелянную армию восемнадцатилетних мальчишек. 31 декабря 1994 (день рождения тогдашнего министра обороны Павла Грачева) Грозный был атакован танками без поддержки пехоты! С обеих сторон появились тысячи погибших и раненых, началась бестолковая, позорная Первая чеченская гражданская война.

По секретному соглашению 1993 года Ельцин согласился передать американскому «другу Биллу» сотни тонн высокообогащенного урана, извлеченного из нашего ядерного оружия. Эта сделка (подписывали ее Гор и Черномырдин) не проходила ратификацию в российском парламенте (образец американской демократии на вынос), Россия продавала 500 тонн оружейного урана за 12 миллиардов долларов, тогда как рыночная цена такого количества важнейшего стратегического сырья была не менее 500 миллиардов. Сейчас этот российский уран дает 50% всей атомной электроэнергии США. Но ведь проданные американцам за бесценок оружейный уран, редкие металлы и переданные за гроши будущим олигархам советские заводы были оплачены десятилетиями труда, громадными жертвами всего советского народа! Все было брошено коту под хвост.

Не забыло правительство Ельцина и про деревню. 27 декабря 1991, готовясь отпустить цены, в России начали принудительную деколлективизацию. Дата была выбрана не случайно. 27 декабря 1929 стартовала жуткая сталинская коллективизация, ликвидация кулачества как класса. Тогда русской деревне нанесли второй страшный удар. Первым были продразверстка и гражданская война. Третий удар – Вторая мировая война. Хрущев ударил четвертым, Брежнев вместо благоустройства разоренного Нечерноземья направил деньги на распашку казахской целины, а Ельцин окончательно добил российскую деревню, подписав указ «О неотложных мерах земельной реформы в РСФСР». Ни о механизмах передачи земли крестьянам и фермерам, ни о чем-то реальном в документе не было ни слова, просто объявили, что колхозы и совхозы подлежат ликвидации, а земля – разделу между колхозниками уже в первом квартале 1992 года. Никто к этому не был готов, такие реформы совершаются десятилетиями, ведь своей техники у крестьян не было и арендовать совхозную оказалось невозможно – все накопления сгорели при отмене советских денег. Русская, татарская, чувашская деревня была отдана на растерзание новым «комиссарам» – рьяным чиновникам и бандитам. Сельское хозяйство теперь приносило работающим в нем одни убытки. Производство отечественного продовольствия в 1992-1993 упало в три раза (даже во время Великой Отечественной войны оно сокращалось всего на 50%), поголовье свиней уменьшилось в два раза, овец и коз – в четыре раза, коров – на треть. Земля большей частью вообще перестала распахиваться и зарастала сорняком, лесом и муравейниками. Зарплаты селянам не выплачивали месяцами, кредиты фермерам выдавались по безумным ставкам, ценовая политика в России была убийственная: русской деревне объявили войну на уничтожение. Иностранцам и даже казахским фермерам платили за тонну зерна 40 тысяч рублей, а своим, российским – всего 10 тысяч! Крепкие сельские мужики были вынуждены бросать дома и землю, подаваться в город с семьями, чтобы не умереть с голоду. В российских деревнях тогда закрыли 1362 больницы, 3300 фельдшерских пунктов, тысячи сельских школ. По вполне официальной статистике 700 тысяч сельских детей от 7 до 15 лет вообще не учились. И деревня, по сути, умерла, российское село в духовном смысле уничтожили окончательно. Там остались, конечно, дома, погосты, разрушенные церкви, старики, безнадежно опустившиеся или цепляющиеся за жизнь люди. В некоторых местах удалось избежать полного разрушения – в наших краях выжили крепкие хозяйства «Новая Жизнь» и «Лазаревское». Но в общем и целом, как социальный

институт, производящий особых людей и особый уклад жизни, большая часть деревня была уничтожена. По мнению правительства Ельцина, Россия должна была кормиться не трудом своего крестьянина, но содержать зарубежных фермеров, которые получали двойную дотацию – из российского бюджета и бюджета своей страны.

В 1996 г. выплакался у меня рассказ «Деревня», где хотелось осмыслить участь одного из сел на юге тульской области. Это Царево, и «царили» в нем тогда нищета, самогон, сифилис, детская беспризорность. Люди не могли доехать до города, оплатить уголь и газ для отопления изб и коттеджей, построенных еще при колхозах – печки сломали, надеясь на будущую счастливую жизнь, пришлось устанавливать буржуйки, как в гражданскую войну.

Тоненький ручеек государственных денег вновь был направлен в российский село чуть более десяти лет назад, когда вся рабочая структура прежней российской деревни была уничтожена едва ли не полностью. Теперь городские инвесторы начали выстраивать сельское производство по западным технологиям и принципам, не поддерживающим привычный сельский уклад. Русский деревенский лад сохранился лишь кое-где на Севере, в Сибири, на Кубани, в Белгородской области, у нас же вытравлен полностью, и потому, прочитав, будто в деревне Липово восстанавливают храм, я решил, что совершается чудо: если восстанавливают храм, значит деревня не просто выжила, но сохранила ум, душу, сердце. Хотелось срочно взглянуть на это, тем более подоспели Рождественские каникулы.

Липово находится в 60 километрах от Тулы, рядом с дорогой на Ефремов. Когда-то село называлось Царева Пристань, совсем рядом уже упомянутое Царево: наверное, когда Екатерина Великая совершала свою поездку в Крым, именно здесь у нее был привал, ночевка со всем царским табором, это событие и отпечаталось в народной топонимике. Перед этим Екатерина останавливалась в Туле, для нее возле тульского кремля (сейчас там музей самоваров) построили дворец, а больше пятидесяти-шестидесяти километров за день в каретах они вряд ли делали. Принадлежало село в XIX веке помещику Гаврииле Климентовичу Голикову, имелась у него здесь усадьба, к 1871 г. он построил в селе двухэтажный каменный храм с колокольной. На первом этаже придел освятили в честь Тихона Задонского, на втором – в честь Владимирской иконы Божией Матери. Жена помещика, Голикова Елена Андреевна, устроила в подвале храма библиотеку для селян, рядом открыли церковно-приходскую школу и ремесленное училище по специальности «сапожное мастерство». Приход храма составляли крестьяне деревни Крутая (сейчас Крутое), деревни Черемошна (сейчас Черемошняя) и сельца Петровское. Крестьян в этих селах тогда числилось 2229 человек, сейчас – меньше тысячи. Эту небогатую тысячу спасла находящаяся рядом большая дорога (легко можно доехать до города) и громадный свиноводческий комплекс в Лазарево. Но сейчас и его разорили, свиньи пали от эпидемии африканской свиной чумы.

На излете царской России вдова умершего Голикова, Елена Андреевна, не ограничилась храмом – устроила рядом женский монастырь! Вначале назывался он Богородичной женской общиной, существуя как приют для девочек и стариц, а с 1905 г., по разрешению Синода и местного земства, община стала называться монастырем, Елена Андреевна превратилась в его первую игуменью. Умерла она в 1916, не увидев ужасов революции, но успев построить в монастыре три церкви – одну каменную и две деревянные. Сестер-монахинь здесь было 90 человек, при монастыре работала школа для девочек, в общежитии при школе обосновался священник, а диакон имел домик прямо в ограде монастыря. Как представишь ушедшую жизнь – слезы наворачиваются на глазах: сколько добра и мудрости было тогда в людях! Конечно, имелось много сельской темноты и нищеты, но все это есть и сейчас, а мудрости

нам явно не хватает. Все же кажется мне, что пролетариат и его вожди слишком много на себя взяли: тело России на какое-то время сохранили, даже преумножили, а вот духовной жизни народа наладить не смогли, ума и сердца не хватило. Советская Россия простояла только семьдесят лет и пошла вразнос в девяностые под руководством бывших секретарей обкомов КПСС, преподавателей научного коммунизма и атеизма. Российская империя обрушилась – сейчас мы, все в пыли и ссадинах, выбираемся из-под ее обломков, думаем, как жить дальше.

При матушке Елене Голиковой в монастыре обреталось 6 сестер мещанского звания и 48 сестер из крестьян. Среди них 8 мастериц-ковровщиц, 6 башмачниц, 3 золотошвейки и несколько учительниц. Монастырь продержался до 1929 страшного года, когда Сталин, окончательно укрепившись во власти, решил, что религия, вера мешают выращению нового советского человека. С 1929 г. начали закрываться последние российские храмы и монастыри, в стране объявили «безбожную пятилетку». И не случайно параллельно в Европе начинают готовиться к войне с СССР. К власти буквально за руку ведут Гитлера, фашистскую Германию ускоренно вооружают американские и европейские банкиры, промышленники. Все в мире взаимосвязано. За взорванные храмы и уничтоженных царскую семью, священников, монахов русском народу нужно было ответить перед Богом. И отвечали – миллионами жертв, страшной кровью, которая всегда проливается, если народ отступает от своей веры, своего пути, своей истории. Красноречивые видения Матушки Богородицы случились монаху Илие на Афоне, он приезжал в Россию, говорил со Сталиным. Грозный Иосиф после этого велел открыть уцелевшие храмы, вернуть священников из ссылки и лагерей. Нужно было за что-то уцепиться в душе тяжело воюющего народа - и Сталин ухватился за русский патриотизм, нестигаемый воинский дух славян, за их историческую память, настоянную на православии.

Но это будет позже, а в 1929 году Богородичный женский монастырь закрыли, церковные здания взрывали несколько раз – они всё стояли. Наши предки думали, что строят на века, никак не могли предположить, что их дети, внуки превратят монастырь в населенный пункт «Коммуна», от которого вскоре останутся поросшие быльем фундаменты храмов и келий. Придуманное человеком химеры живут недолго, идеология советских коммун не выдержала испытания временем. Удержаться они могли только на страхе и насилии, а все это недолговечно, потому что требует много сил и крови, насильники же быстро стареют и живут обычный человеческий срок. Их дети, как водится, не идут по пути отцов: сбежали из России, отрекшись от советской идеи, дочь Сталина, сын Хрущева, потомки Андропова. Умерли Ленин, Троцкий, Сталин и последующие вожди – пожиже и помельче, а русская земля осталась, и народ, изломанный войнами, революциями, безбожными пятилетками, остался, нам нужно жить как-то иначе после страшного поражения и распада империи. Возврат к старому и полное перенесение на русскую почву образа жизни победителей с Запада невозможны, у нас все другое – дух, кровь, история.

...Рождественский день выдался удивительно солнечным и тихим. На трассе почтене не было машин, хотелось разогнаться до чувства полета в нирване скорости, но теперь на каждом столбе висят камеры полицейского наблюдения. Дымили мангалы придорожных кафе, чередовались цветастые бензозаправки, в лобовое стекло било низкое солнце, мир казался по-весеннему прекрасным. Еще пятнадцать лет назад большие джипы, нагнав сзади, по-хамски мигали фарами, требуя их пропустить – теперь вежливо ждут, когда их заметят, благодарно мигают фарами, если им слегка уступают дорогу. То ли в праздничный день ездит одна непьющая интеллигенция, или женщин стало больше за рулем? Нет, за двадцать лет новой жизни сильно изменился

весь русский народ – стал более собранным, ответственным, интеллигентным. Полиграфу Полиграфычу сейчас не заработать денег на дорогую машину.

За поворотом на Липово началось царство тишины, неподвижности, занесенных снегом домиков и запаха печных труб. Впереди поднималась красного цвета колокольня в свежих строительных лесах, но никого вокруг не было – деревня казалась мертвой. Я уже отчаялся поговорить с кем-нибудь, как вдруг на укатанной скользкой дороге показалась бабушка. Она брела с палочкой, вначале испугалась меня – в селе теперь опасаются городских, ведь заезжие архаровцы несколько лет подряд воровали провода, коров и овец, – но я говорил о храме, и она успокоилась.

– Как жизнь в селе – получше стала? – спрашивал я, идя рядом с ней.

– Нет, – отвечала она, внимательно глядя под ноги, чтобы не оскользнуться. – Работы нет. Кое-кто из старших работал в Лазарево. Сейчас сократили. А молодежь не хочет работать.

– Кто же у вас храм восстанавливает?

– Местный малый, Андрюха. Говорят, ему Путин денег на это дал!

– А что в этой церкви было при социализме?

– Мельница была. Зерно хранили. Там взрывное устройство нашли. В телевизоре показывали. Немцы там сидели, и наших много погибло.

...Мы вместе подходили к церкви, скрипел под ногами снег, заброшенные домики тут и там зияли пустыми оконными проемами. Возле храма, прежде невидимый за высоким обрезом земли, стоял иностранный внедорожник, подде копошились три мужичка с инструментами. Реставраторы, понял я, и – надо же – русские! Храм в Тросне, например, недавно ремонтировали наши братья из союзных республик, один из них написал краской на колокольне: «2013 Узбек».

– Ребята, про храм расскажите немного! – попросил я, на долгие церемонии не было времени.

– А чего рассказывать? Щас мы бутра позовем, – сказал один.

Из парящего дверного проема вышел их бригадир, пригласил в теплую избу. В горнице было душно, вплотную друг к другу стояли с десятков наспех заправленных кроватей, несколько скамей теснились вокруг длинного стола с посудой. Бригадир был смышлен, бородач и разговорчив. Я представился.

– Спонсор этого храма как раз из вашего города, – бородач уже наливал мне чай, – его родственники отсюда, он набожный, посты соблюдает... Может, он и не захочет раскрывать себя, вы же знаете, как это у верующих. Про снаряд слышали?

Ребята были родом из Нижегородской области, артель сложилась на работах в Дивеево, месяц назад они еще жили возле Одоева, сюда их направил настоятель Анастасова монастыря Пахомий. Духовный смысл совершаемого был для них давно уяснен и очевиден, тысячу раз высказан в разговорах между собой, а вот снаряды на взводе им встречались не каждый день, им это было интереснее:

– Старики говорят – три дня здесь были большие бои зимой сорок первого, немецкий пулеметчик на колокольне сидел, народу тут нашего положил много! Мы нашли в стене немецкий снаряд, вызывали саперов. Только непонятно – почему снаряд немецкий? Пулеметчик немецкий и снаряд немецкий. Хотя, наши ведь могли из трофейного шарахнуть? Если б снаряд взорвался – колокольне бы точно снесло верхнюю часть...

Я попросил открыть для меня храм. Вдвоем протиснулись меж деревянных лесов, сняли шапки, перекрестились у обрушенного алтаря. Деревенские голуби-сизари свистели крыльями под куполом, слышно было, как осыпался где-то кусок штукатурки, работы здесь только начинались.

– Планируют сделать женский монастырь, – сказал бригадир. – Желющих очень много. Женщин больше верует, чем мужчин. Не всех еще берет...

Я попрощался и уехал. Все было ясно. Никакого всеобщего чуда. Инициация, откровение, духовное созревание произошли в душе одного человека, Андрея. Он вдруг осознал зоной своей ответственности родное село, где жили его предки. Может быть, кто-то из них закрывал этот храм, Андрей решил открыть. Это его храм, его земля, его родина. Жму руку, ты настоящий мужик, Андрюха. Я пошел бы с тобой в разведку. Если уж поднимать село, то начинать нужно с храма, затем подумать о музее, библиотеке, как в соседнем Пирогово. И только после – тракторы, комбайны, свиньи, овцы. Потому что главное все же не тело, а душа – коммунары тут ошибались.

Один человек на село проснется и разбудит многих. «Спаси свою душу, и вокруг тебя спасутся тысячи». Из таких островков жизни (Ясная Поляна, Пирогово, Анастасов монастырь, Липово – противоречия, кстати, меж ними нет, в духовных поисках больших людей случаются ошибки, но хуже, когда у народа этих поисков нет вообще) вырастет новая сельская Россия – просвещенная, как в Ясной Поляне, верующая, как в Тросне, Жемчужном, Нарышкино и Липово. Вокруг храмов и монастырей, вокруг музеев, вокруг таких людей, как Андрюха, разбуженных Богом среди матрицы нового мирового порядка, где люди вроде кирпичиков строящейся пирамиды, наверху которой мечтает воцариться сами знаете кто. Те люди, которые будут приезжать сюда помолиться, стоя перед образами, станут думать о главном – о жизни и смерти, о том, кто мы такие, откуда и куда идем, о своем предназначении. А пока мы думаем об этом, пирамида не будет построена, жизнь человеческая будет продолжаться, у детей наших останется надежда на будущее.

2015 г.